

INSPIRIA

Арто

Тысяча
Чертей
пастора
Хуусконена

ПАА СИ ЛИ ННА

INSPIRIA

Loft. Современный роман

Арто Паасилинна
Тысяча Чертей
пастора Хуусконена

«ЭКСМО»

1995

УДК 821.511.111-31
ББК 84(4Фин)-44

Паасилинна А.

Тысяча Чертей пастора Хуусконена / А. Паасилинна — «Эксмо»,
1995 — (Loft. Современный роман)

ISBN 978-5-04-112710-7

«Тысяча Чертей пастора Хуусконена» — это рассказанный в реалиях конца XX века роман-пикареска: увлекательное путешествие, иногда абсурдный, на грани фантастического, юмор и поиск ответов на главные вопросы. Финский писатель Арто Паасилинна считается настоящим юмористическим философом. Пастору Хуусконену исполнилось пятьдесят. Его брак трещит по швам, научные публикации вызывают осуждение начальства, религия больше не находит отклика в сердце. Прихватив с собой дрессированного медведя Черта, Хуусконен покидает родной город. Много перипетий ждет их в дороге — путь пролегает от Белого до Черного моря, через холодную Россию и жаркие тропические острова. Где отыщут они дом и сможет ли пастор наконец понять: в чем заключается смысл жизни? Арто Паасилинна — один из самых известных финских писателей современности. Его романы переведены более чем на 30 языков и были проданы более чем 8 миллионами экземпляров по всему миру. Романы Паасилинна, написанные живым языком, существующие на стыке абсурда и реальности, стали важной составляющей литературы Финляндии. «Проникновенная притча, укрепляющая репутацию Паасилинна как иронического эко-философа». The Guardian

УДК 821.511.111-31

ББК 84(4Фин)-44

ISBN 978-5-04-112710-7

© Паасилинна А., 1995

© Эксмо, 1995

Содержание

Первая часть. Медвежонок-сирота	7
Медвежья участь	7
Пастор Хуусконен венчает насильно	11
Черт, подарок пастору Хуусконену на юбилей	14
Супружеские конфликты, новые виды спорта	17
Душеспасительный разговор	23
Военная деятельность Иисуса	27
Мишка спасает пастору жизнь	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Арто Паасилинна

Тысяча Чертей пастора Хуусконена

Arto Paasilinna

Rovasti Huuskosen Petomainen Miespalvelija

© Arto Paasilinna, 1995

© The Estate of Arto Paasilinna

© Силиванова В., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Первая часть. Медвежонок-сирота

Медвежья участь

– Дьявол ходит среди нас, как рыкающий лев!

Пастор Оскари Хуусконен обхватил руками края кафедры и опустил от напряжения взгляд. Под тяжестью своих грехов прихожане Нумменпяя вжались в церковные скамейки. Церковь была срублена из смолистых бревен и выкрашена снаружи в охристо-красный цвет, а изнутри – в серо-голубой, цвет неба. Алтарь и кафедра сверкали обшивкой из красной сосны. На передних рядах восседали самые важные лица прихода: советник по сельскому хозяйству Лаури Кааккури, владелец бетонного завода Онни Хаапала, генерал-майор Ханнес Ройконен, доктор Сеппо Сорьонен, аптекарь, учителя, инспектор строительных работ, начальник пожарной команды и... пасторша Саара Хуусконен – красивая и властная женщина, всегда относившаяся к необходимости слушать проповеди мужа со смущением.

– Но как только бич Божий полоснет дьявола по заднице, дьявол выпучит глаза и наложит в штаны!

Оратором пастор Хуусконен был пылким и, не в пример прочим нынешним священникам, свою паству не баловал. В трудные времена священник ей требовался жесткий – именно такой, как пастор Хуусконен.

Тем же утром в том же приходе медведица учила своих детенышей разным лесным премудростям. Жизнь вынуждала добывать пропитание ночью, когда жители этой варварской страны спали, а днем медведи могли дремать в темном ельнике. Зимовали они в берлоге, а летом бродили где вздумается, как любые другие свободные хищники.

Наступало лето. Бурая медведица пробудилась от зимней спячки на полтора месяца раньше. У нее было два медвежонка, самец и самка, мальчик и девочка; трогательные и милые, точно плюшевые игрушки, малыши родились прошлой зимой в укрытой снегом берлоге. Роды прошли совершенно гладко, без трудностей и осложнений. Акушерки медведицам не нужны, папы-медведи в родах не участвуют. Действо происходит в непроглядной темноте берлоги, и в то время как медвежата, эти крошечные клубочки, появляются на свет, мама даже не просыпается. Поначалу с малышами совсем несложно: им достаточно лишь присосаться к молоку.

Стояла светлая майская ночь. Три медведя шли вдоль пересекавшей приход Нумменпяя линии электропередачи: здесь густо росли береза, рябина и островками, в местах посуше, можжевельник с молодой елью. Нумменпяя соседствовал с приходами Самматти и Сомеро на северо-западе области Уусимаа, и линия электропередачи пересекала его по направлению от электростанции на севере к столице, поглощавшей больше всего электричества. В десяти километрах от села в густой и холмистой еловой чаще находилась берлога, и каждое лето медведица охотилась в этих землях, в том числе в окрестностях села, заваливая время от времени лося или оленя. Теперь же она учила медвежат добывать личинки муравьев. Добравшись до муравейника у линии электропередачи, она разворошила самый верх и показала, как надо осторожно копать, чтобы достигнуть слоя кишаших белых личинок. Оттуда лапа быстро отправляла лакомство в рот – надо было только следить, чтобы заодно туда не попало слишком много иголок и прочего мусора. Муравейники полагалось разорять рано на рассвете, когда муравьи-работчие спали, а аккуратно уложенные личинки находились на глубине. Медвежата с увлечением ворочали землю и пробовали вкусы, которые им отрыла мама. Лучшие муравьи напоминали по вкусу лягушек и были не такими кислыми, как прошлогодняя клюква.

Когда трапеза подошла к концу, медведица сгребла землю обратно; она собиралась показать, что пришла не разрушить муравейник, а только добыть личинки, которые принадлежат медведям.

На вырубке медведица отодрала с пня кору и нашла мясистых белых червей, показавшихся медвежатам не менее вкусными, чем муравьиные личинки. Как-никак медведи с детства лакомки.

Утром они добрались до окрестностей деревни, где медведица привычным способом опустошила два пчелиных домика: она проделала в сетке достаточно большую дыру, пролезла с медвежатами в сад, повалила на землю пасечный улей и искусно вытащила соты, которые, несмотря на отпор пчел, вылизала дочиста. Пустые рамы, не ломая их, медведица откладывала подальше в сторону. Характер у нее не был ни злой, ни вспыльчивый.

Полакомившись медом, медведи продолжили идти вдоль линии электропередачи и дошли до самого села. Сразу залаяла сторожевая собака. Мама повелела медвежатам укрыться в корнях дерева и легла на землю сама, но, поскольку собака не унималась, медведица издала тихое предостерегающее рычание. Шерсть у дворняги встала дыбом, поджав хвост, та шмыгнула в будку, откуда высывала только трусливый и влажный нос.

Мгновение – и медведица поднялась во весь рост, вытянула нос и принялась. Все действительно утихло. Она продолжила вместе с медвежатами путь. Возле трансформаторной будки стояло несколько домов, а у самого леса – хозяйственные постройки, которые составляли находившуюся в собственности коммандитного товарищества пивоварню Нумменпяя. В утреннем воздухе стоял будоражащий пивной смрад, устоять перед которым медведица не смогла. Она кружила вокруг сарая, пытаясь найти вход, но все двери были на замке, и ей не оставалось ничего другого, кроме как вломиться внутрь: она навалилась всем своим весом на жестяную дверь, и та, потихоньку прогнувшись, поддалась. Обошлось почти без шума. Снова на мгновение медведица прислушалась, а потом шагнула вперед; медвежата скользнули следом.

В сарае царила темнота, но медведица на то и была лесным зверем, чтобы инстинкт быстро привел ее к контейнеру, где булькала пара сотен литров густого суслу. А пить уже хотелось! Бурлящее сусло медведица стала жадно лакать, а за мамой и медвежата, поднявшись на задние лапы, принялись тыкаться в него мордочками. Отфыркиваясь, они быстро вошли во вкус. Медведица напилась до отвала. Вот так находка! Между тем после внимательного осмотра кладовой обнаружились глубокие закрома с ячменным солодом, который медведи, загребая большими пригоршнями, с удовольствием поели. Наконец хмель взял свое. Вдруг стало очень весело: выпитое пиво ударило в голову, природная осторожность внезапно пропала, медвежата зашалили. Медведица, будучи старше и более разумнее, воздержалась от буйства.

У медвежат начался понос, но на свете, конечно, достаточно места и для медвежьего дерьма. У мишек не было штанов, которые можно было бы испачкать, если события примут бурный оборот.

Нализавшись вволю, медведица шугнула медвежат и поманила за собой из пивоварни. Семейство вернулось к линии электропередачи немного передохнуть. Медведица была крупной и весила почти 150 килограммов, ее рост в холке составлял 80 сантиметров, мех отличался густотой, а скулы – пушистостью. Смотрелась она удивительной красавицей и у местных медведей пользовалась популярностью: в брачный сезон ей не приходилось прибегать ко всяким женским штучкам, чтобы привлекать внимание самцов, – их за ней и так волочилось достаточно.

Изрядно подвыпившему семейству вместо возвращения в родную чашу захотелось продолжить дерзкое шествие до трансформаторной будки. Там они наткнулись на дом Астрид Сахари, на заказ готовившей еду к торжествам. И снова до медведей донесся манящий аро-

мат из амбара, где хранились готовые блюда; этот запах так и тянул к себе, и, несмотря на позднее время, медведица решила ворваться внутрь. Она привычно расшатала петли. Сладко потягивая носами воздух, медведи забрались в амбар, куда накануне вечером внесли десятки самых разных праздничных блюд: здесь был кисель, эскалопы, разнообразные соусы, жаркое по-карельски, картошка с маринованной селедкой, батоны, слоеные торты, салаты и брюква; так что голова у лесных гостей закружилась еще больше. Шерстяные носы окунулись в превосходный кисель, языки радостно лакали мясной соус и дрожащее желе, копченая баранья нога без долгих раздумий тоже была поглощена. Грандиозный многонедельный труд поварихи Астрид Сахари пошел насмарку. Все эти яства она приготовила к свадьбе: нынче должно было состояться венчание главного негодяя прихода, экскаваторщика Ханнеса Лоймукиви, и единственной дочери владельца бетонного завода Маркетты Хаапала – простоватой, но приятной и любящей женщины. Оба были членами прихода, обоим было за сорок. Онни Хаапала, отец невесты, обещал устроить пышную свадьбу, в приготовлениях к которой участвовала и Астрид Сахари. И вот – приготовленные ею блюда испортили, не моргнув глазом, захмелевшие медведи.

С церковной колокольни прихода Нумменпя раздался звон, но медведей он не насторожил. Колокольный звон был им привычен: иногда зимой при крепком морозе его металлический звук приглушенно доносился и до берлоги. Медвежий опыт подсказывал, что гул божьих колоколов не сулит неприятностей.

Но развеселившиеся после первой в жизни попойки медвежата не удержались от шалостей и рычания: они сбросили на пол тарелки, и многие разлетелись вдребезги, а кастрюли из-под соусов закатили в углы. Повариха Астрид Сахари проснулась, накинула утренний халат и побежала проверить, что за шум доносится из амбара.

Святые Небеса! Амбар кишел медведями, и нос каждого был вымазан в киселе и сливках!

Повариха Астрид Сахари толкнула дверь метлой и принялась выгонять взломщиков. Здесь следует подчеркнуть, что Астрид была не робкого десятка: за свои пятьдесят лет она чего только не повидала, дважды побывала замужем, причем оба ее мужа были экскаваторщиками, обжорами и горькими пьяницами.

Астрид Сахари злорадно зарядила медведице по носу. Медвежата заскулили от страха, когда увидели, что на крыльце стоит повариха, разъяренно размахивая метлой, и спрятались за маму.

Медведица тоже разъярилась и поднялась на защиту медвежат. Она дернула прядь завитых волос Астрид с такой злостью, что метла выпала у старухи из рук, а сама она покатила по ступенькам во двор. Затем медведица подтолкнула медвежат к растущему во дворе дереву. Воюющие малыши проворно вскарабкались на пушистую елку. Повариха тоже воспользовалась ситуацией и с истошным воплем помчалась прочь. Она ринулась к забору трансформаторной будки, молясь, чтобы ворота были не заперты. Заперты они не были – спасибо детям. Маневр, однако, не позволил выиграть достаточно времени, потому что медведица погналась вслед за обидчицей. В этой трудной ситуации Астрид оставалось только забраться на двадцатиметровый железный высоковольтный столб.

Старуха наверх – и медведица наверх.

Вдруг церковные колокола издали похоронный гул. Некий дробильщик щебня Аарно Малинен умер полторы недели назад, и пастор Оскари Хуусконен произносил у его гроба такие слова:

– И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратился к Богу, который дал его.

Хуусконен подумал, что, возможно, именно в этом случае стоило бы сказать, что Малинен обратится не в прах, а в щебень, но формат литургии не допускал подобных вольностей.

Пускай Малинен и умер, однако на своем пути в преисподнюю он оказался не один. Спасаясь от медвежьей пасти, повариха Астрид Сахари в утреннем халате ловко забиралась на

столб все выше и выше. Которое из двух зол меньшее – схватиться за высоковольтный провод или позволить кровожадному чудовищу выбить из нее дух здесь, между небом и землей? Она приняла решение. Следуя сугубо женской логике, Астрид Сахари схватилась обеими руками за провод. Тут же последовала мощная вспышка света: несчастная сначала прожарилась, словно ростбиф, снаружи, затем, как баранье жаркое, пропеклась изнутри, в конце концов, она застыла и ссохлась подобно рыбе на углях.

Защищавшую детенышей мать постигла не лучшая участь. Вонзив зубы в обугленную ногу поварихи, медведица получила, возможно, еще более страшный удар током: она почти мгновенно превратилась в жареное мясо – пушистая шерсть вспыхнула точно факел. Обугленная медвежья туша осталась болтаться в воздухе у высоковольтного столба, словно привязанная к труп поварихи.

Из-за ужасного происшествия во всем приходе отключилось электричество, погас свет, и бывший искусственный осеменитель Юрьяна Тисури, находившийся в стационаре с подключенным аппаратом искусственной вентиляции легких, попал в весьма затруднительное положение. Больничные специалисты не сумели запустить дизельный генератор для автономной выработки электричества, так что дыхание искусственного осеменителя Тисури пришлось поддерживать по старинке: изо рта в рот. Приятного в этом для медсестры было мало, если учесть, что Тисури всю жизнь жевал вонючий табак, а чистки зубов, особенно достигнув почтенного возраста, старательно избегал.

На елке неподалеку от трансформаторной будки два маленьких медвежонка скулили от страха. Бедняжки еще в полной мере не осознали, что остались сиротами.

Пастор Хуусконен венчает насильно

Церковь Нумменпяя срубили в XVII веке. Раньше, гласила молва, на ее месте стояла деревянная часовня, где летом и зимой во время больших праздников проводились службы силами священников прихода Сомеро. Но теперь приход Нумменпяя обрел самостоятельность и настоятеля в лице пастора Оскари Хуусконена. Пастор был женат, у них с женой рано родились двое детей, обе девочки, которые уже давным-давно покинули отчий дом и вышли замуж. Жизнь в этом отдаленном, посреди глухого леса, приходе медом не казалась – одиночество и уныние нередко одолевали пастора Хуусконена. Священником он был пламенным, ему бы глаголить слово Господне в приходе побольше и поважнее или, того лучше, в высшей должности иерархии диоцеза. И все же, несмотря на неоднократные попытки, выбраться из Нумменпяя Хуусконену не удавалось. Может, причиной тому были вольные толкования Библии, проповеди, в которых он порой радикально отклонялся от Священного Писания, или изложение его взглядов в христианской прессе? Оскари Хуусконен получил звание доктора теологии, написал диссертацию об апологии – защите христианской истины. К исследовательской работе он приступил, будучи сторонником этой истины. С тех пор, однако, утекло немало воды, и Хуусконен был уже не так уверен в истинности как своей диссертации, так и христианского учения в целом.

Пасторша Саара Хуусконен, в девичестве Линдквист, преподавательница шведского языка в средней школе Нумменпяя, тоже хотела бы перебраться в более преуспевающие и оживленные края, но в эту тяжелую пору безработицы вакансий не открывалось, и 49-летнюю преподавательницу шведского, в сущности, нигде не ждали. Ничего удивительного здесь не было, равно как и вины Оскари Хуусконена, но пасторша все равно попрекала мужа за то, что им до скончания времен придется оставаться в убогом Нумменпяя, где зимой темно и безрадостно, а летом потно и полно навозных мух, откормленных жидкими деревенскими удобрениями. Будь Оскари по натуре хоть немного более пронырливым, то есть в хорошем смысле более сговорчивым и способным к руководящей работе, перед ним наверняка открылись бы самые разные должности в церковных кругах. В конце концов, первостепенная задача священников – проповедовать милосердие и скромность. Какой тогда черт обуял Оскари, что в своей жизни он часто претендовал на роль высшего критика и желал спорить о пустых богословских вопросах? Рассудительный священник держал бы рот на замке, тогда ему предложили бы место в диоцезе в центре, в Хельсинки, а через надлежащее время он стал бы епископом. Сначала позаботился бы о том, чтобы вызволить жену из чащи, а затем пускай бы себе скандалил из-за религии.

Нынешняя воскресная проповедь основывалась на отрывке Ветхого Завета, где Моисей говорит Иисусу Навину:

Выбери нам мужей, и пойдешь, сразись с Амаликитянами.

Пастор Оскари Хуусконен проповедовал о борющемся народе, отметив, что европейское сообщество не сможет помочь финнам, если им будет недоставать веры, если они позволят себе опустить руки в решающий момент. Он также вторил 2-му стиху 1-й главы Книги пророка Авдия:

Вот, Я сделал тебя малым между народами, и ты в большом презрении.

Проповедь была неприятная. От слов священника у прихожан загорались уши. Да, мало кто из нас, людей, безгрешен, а народы безгрешными не бывают вовсе, и эти угрозы из книги пророка Авдия падали на удобренную Хуусконеном благоприятную почву.

– Целые народы могут быть рыкающему льву подобны, – подчеркнул пастор.

Пастор Хуусконен отпел дробилыщика щебня Аарно Малинена, коротко прозвонили колокола, а затем наступила очередь венчания. Невеста Маркетта Хаапала, дочь владельца

бетонного завода, белая, как мука, простоватая женщина, была близко знакома Оскари Хуусконену благодаря его душеспасительной работе как духовно, так и – стыдно признать – телесно. Маркетта была беременна и инфантильна. Однако к настоящему моменту общественность знала, что ответственность за беременность Маркетты лежит на Ханнесе Лоймукиви, и в результате мощного давления он согласился вступить с ней брак. Пастор Оскари Хуусконен лично обсудил дело с Лоймукиви, разговор у них вышел очень напряженный.

Под свадебный марш Мендельсона пара направилась через неф к алтарю. Казалось, все было в порядке – если не принимать во внимание неразговорчивость жениха. В церковный зал стеклось море народу: присутствующие на службе стремились собственными глазами увидеть, как заключается этот неравный брак.

На середине пути пары к алтарю в церкви погас свет. Отключилось электричество. Пастор Хуусконен мысленно выругался. Да будет свет! В темноте старой деревянной церкви Хуусконен не хотел венчать именно эту пару. Но вот глаза пастора наконец-то ее отыскали. Он окинул жениха и невесту строгим взглядом и начал церемонию. Он решил использовать более длинный план венчания, приправленный большим количеством цитат из Библии. В то же время стоило произнести ободряющую речь, которую он хотел адресовать в первую очередь жениху. Поучить жизни такого хитреца было явно необходимо.

Пастор Хуусконен выстроил свою речь вокруг 27-го стиха 12-й главы Книги Неемии:

При освящении стены Иерусалимской потребовали левитов из всех мест их, приказывая им прийти в Иерусалим для совершения освящения и радостного празднества со славословиями и песнями при звуке кимвалов, псалтирей и гуслей.

Он сказал, что ныне в приходе Нумменпяя радуются, как тысячи лет назад при открытии нового храма в Иерусалиме; сейчас и здесь, в Богом забытой глуши, звучит музыка, пусть и не кимвалов, но хотя бы аккордеона, а гости едят превосходные вкусы поварихи Астрид Сахари, танцуют и поют. Среди всех этих земных радостей надлежит, однако, помнить, что за праздником всегда следуют будни, а в буднях необходимо уповать на Бога и жить добродетельно.

В этот момент в церковь забежал полупьяный забулдыга. Минуту назад он, шатаясь, плелся из кабака по дороге, где ему довелось стать свидетелем жуткого происшествия – смерти Астрид Сахари и медведицы у высоковольтного столба. Пьяница огласил:

– Стойте! Астрид Сахари залезла с медведем на столб ЛЭП! Они там дымятся! Оба коньки отбросили!

Венчание остановилось из-за всеобщего беспорядка, который еще больше усилился, когда в церковь прибежал еще и архитектор здания муниципалитета и больницы Райнер Хюхкенен. Он громко прокричал с порога, что в подвале больницы срочно требуется помощь крепкого мужика: надо запустить дизельный мотор, который при перебоях с электричеством вращает электрогенератор. Под маской дыхательного аппарата сейчас корчится пациент, поэтому завести мотор необходимо сию секунду.

– Его надо покрутить, аккумулятор разряжен, а я крутить один эту дьявольскую штуковину не могу!

Пастору Оскари Хуусконену оставалось только сообщить прихожанам, что венчание приостанавливается, но продолжится позже, о времени будет сообщено дополнительно – по возможности сразу, как с бедствием в селе справятся. Толпа бросилась из церкви, не дослушав объявление пастора, впереди всех – жених. Лишь бедная невеста осталась – она упала на церковную скамейку, сжимая в дрожащих руках букет, собранный из самых красивых майских полевых цветов. В глазах оробевшей женщины блеснули слезы.

На пару с Хюхкененом Оскари Хуусконен рванул к подвалу стационарного отделения больницы. Пробегая мимо трансформаторной будки, пастор увидел у высоковольтного столба две дымящиеся фигуры, по которым невозможно было понять, кто из них повариха, а кто мед-

ведица. Времени подумать над этим сейчас не оставалось, надо было бежать запускать дизельный мотор, чтобы аппарат искусственного дыхания снова заработал и жизнь пациента оказалась спасена.

В подвале больницы Хуусконен толкал плечом заводную рукоятку, пока мастер регулировал датчики; мотор с шумом завелся, живительный ток заструился по больничной электросети, дыхательный аппарат ожил и бывшего искусственного осеменителя Тисури, из последних сил цепляющегося за жизнь, опять смогли подключить к кислородной маске. Вспотевшая медсестра побрела в комнату отдыха, держась за сердце.

– Как с пациентами иногда трудно, – запыхавшись, вздохнула она.

Пастор Оскари Хуусконен вернулся в село. У трансформаторной будки народу было не протолкнуться. С помощью раздвижной лестницы пожарные сняли со столба трупы поварихи и медведицы. Астрид Сахари накрыли покрывалом, а медвежья туша осталась валяться на траве. В воздухе стоял запах паленого мяса.

На ближайшей елке обнаружили, поймали и посадили под замок в амбар двух напуганных медвежат. В амбаре царил страшный беспорядок. Было видно, что медведи приложили к этому лапу.

Жизнь села обратилась в полный хаос. Вдруг заметили, что жених, хитрец Ханнес Лоймукиви, воспользовался случаем и удрал. Невеста ждала, рыдая, в церкви, а жениха и след простыл.

Пастор Оскари Хуусконен не сдался. Чтобы поймать сбежавшего, он собрал поисковый отряд из пяти человек. Дома жениха, конечно, не нашли – как, впрочем, и в пивнушке. Зашли в соседние дома, где жили знакомые Лоймукиви, заглянули в кладовки и под кровати – безрезультатно. Затем возникла догадка: не мог ли он удрать в хижину охотничьего сообщества на мысе Нумменпяя? Лоймукиви ведь был его вице-председателем и, помимо юбок, охотился также и на дичь. Там-то жених и нашелся: он забрался под потолок сауны, думая, что хорошо спрятался. Лоймукиви стащили вниз, и пастор Хуусконен отвел его за сауну для разговора с глазу на глаз.

Этот душеспасительный разговор был более бурным, чем обычно. Пастор подчеркивал священное значение брака, предполагающего выполнение обязательств, и в перерывах между своими тирадами возил физиономией жениха по кусту крапивы. Так был достигнут «компромисс»: жених послушно возвращается в церковь, а пастор как следует проводит прерванную церемонию венчания.

Автомобиль пожарной бригады объехал деревню вдоль и поперек, и с помощью громкоговорителя, установленного на крыше, пастор Хуусконен объявил, что прерванное из-за несчастного случая венчание продолжится через полчаса.

– Свадьба состоится в доме владельца завода Хаапала, но из-за произошедших событий угощения не будет.

Село утихомирилось, и вскоре церковь опять наполнилась желающими поглазеть на церемонию. Невеста была прекрасна, жених – насуплен, его темный костюм – слегка помят, физиономия зудела от ожогов крапивой, но в целом все снова стало хорошо. Пастор произнес несколько утешительных фраз друзьям и родственникам поварихи Астрид Сахари. Затем он наскоро обвенчал застывшую перед ним чету, по более короткому, издевательскому плану, без библейских цитат.

Черт, подарок пастору Хуусконену на юбилей

За неделю до Ивана Купалы пастору Хуусконену исполнилось пятьдесят лет. Он родился в Рованиеми 17 июня в семье бригадира сплавщиков. Мировая война вошла в решающую фазу, первоначальный успех немцев обернулся кровавым поражением. В Африке они остались ни с чем, и даже в Варшаве евреи восстали. Когда Оскари было чуть больше года, вся Лапландия обезлюдела и началась война против прежних немецких братьев по оружию. Хуусконенов наряду с прочим гражданским населением эвакуировали в Швецию. Когда полтора года спустя семейство вернулось в родные края, от городка уже ничего не осталось. Огнем немцы сровняли Рованиеми с землей, и столь оживленный ранее населенный пункт после войны представлял собой лишь лес дымовых труб.

Общество оказания материальной поддержки церковному хору Нумменпяя, возглавляемое шестидесятилетней Тайной Сяяреля – старшей коллегой пасторши, учительницы Хуусконен, – взяло на себя обязанности по официальной подготовке полувекового юбилея пастора. Для исполнения на празднике выбрали псалмы и гимны, генерал-майора Ханнеса Ройконена попросили выступить с речью (у генерала в Нумменпяя был летний домик), а затем стали ломать голову, что бы преподнести пастору в качестве подарка. Это должно было быть что-то особенное и осязаемое. Затем придумали: почему бы не подарить ему маленького медвежонка, которого совершенно бесплатно поймали на елке во дворе поварихи Астрид Сахари? Второго медвежонка пристроили в сафари-парк Эхтяри, поскольку то была самка, но на самцов спрос отсутствовал, так что медвежонок по-прежнему оставался в Нумменпяя. Его держали в гараже начальника пожарной команды Рауно Коверола и кормили, как собаку. Помимо Эхтяри для медвежонка еще запрашивали место в зоопарке Коркеасаари, в шведском городе Лулео, но его никуда не приняли. С другой стороны, его ни капли не боялись, а теперь вот решили подарить пастору Оскари Хуусконену. Идея подпитывалась тем, что сын бригадира сплавщиков Хуусконен был уроженцем Лапландии, то есть в какой-то степени диким и свободным лесным человеком, по крайней мере, по происхождению, значит, живой медведь стал бы для него весьма подходящим подарком. К тому же при таком раскладе среди прихожан не придется объявлять сбор средств на подарок пастору.

Вслух никто не произносил, но многие считали, что своевольному пастору стоило бы подарить медведя, чтобы он задумался. Заодно представлялась хорошая возможность наказать пасторшу – угрюмого магистра шведского языка, страшно заносчивую и вечно критикующую положение дел в Нумменпяя женщину. Кормя медведя и убирая за ним с пола гостиной, пасторша тоже узнала бы, что о ней думают люди. Существовала некоторая надежда и на то, что, когда медведь вырастет, то, впад в дурное настроение, он жестоко изувечит пасторшу и пастора – воздаст им своей лапой за все их старые грехи.

Учительница Тайна Сяяреля связалась с Министерством сельского хозяйства. Оттуда прислали разрешение содержать дикое животное на том основании, что мать-медведица умерла, а выпущенный на природу медвежонок погибнет, поскольку еще не умеет охотиться и справляться с опасностями дикой природы самостоятельно.

Через посредничество Центрального союза страдающих патологией зрения в соседнем приходе Сомеро нашли слепого изготовителя плетеных корзин. У него заказали крепкую корзину, где потом заперли медвежонка. С одной стороны там было отверстие размером с питомца, с другой – маленькое окошко, откуда медвежий нос мог высунуться, чтобы принюхаться к миру снаружи. На дно корзины постелили мягкое покрывало, чтобы медвежонок мог на нем лежать. В качестве вишенки на торте достали хромированную миску, украшенный серебряными вставками ошейник и изготовленный по мерке намордник. Медвежонок отвезли постричь в салон для собак в Лохья, и вот он был уже готов к вручению пастору. Корзину

оплели широкими серебряными лентами, а сверху водрузили букет. Все эти приготовления велись, разумеется, втайне от пастора и его жены. Оставались сомнения в том, что они захотят принять медведя, поэтому вернее было не задавать лишних вопросов и преподнести животное пятидесятилетнему пастырю прихода в качестве сюрприза, хочет он того или нет.

И вот настал день рождения пастора Оскари Хуусконена. Празднование проходило в приходском доме, куда явилось более сотни гостей, в том числе епископ Хельсинкского диоцеза Улеви Кеттерстрём. Сначала церковный хор пропел из 1-го псалма:

И будет он как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое, и лист которого не вянет.

Генерал-майор Ханнес Ройконен – высокий как каланча, лет под пятьдесят, офицер сухопутных войск – следом произнес помпезную речь, в которой рассказал о жизни пастора Хуусконена в солдатском духе. Потом спели старый шведский благодарственный гимн номер 327, 3-ю строфу.

Светлый праздник отмечаем. В Божий дом раскрой врата! Вековечно расточают «Милость Божия» уста. В род и род, через года, длится благодать Христа¹.

Затем представители неправительственных организаций внесли свои подарки и цветы. Между тем хор запел снова, на этот раз более легкую мелодию «Дорог моряку путь волн», после исполнения которой внутрь внесли главный сюрприз – корзину, где маленький медвежонок-сирота ждал будущих хозяина и хозяйку.

Под всеобщее ликование корзину вручили пастору Хуусконену. Он не отгадал, что находится внутри, но, когда серебряные ленты перерезали, все стало понятно. Из окошка высунулся влажный нос. Пасторша простонала:

– Медведь, черт.

Пастор гневно посмотрел на жену. Сейчас было не время бросаться крепкими словцами, пусть даже подарок поразил и его самого. Тем не менее с тех пор медвежонок, само собой, стали называть Чертом.

Тайна Сяяреля произнесла дарственную речь. Она особенно выделила испытанную мужественность виновника торжества и его доказанную любовь к животным, затем подчеркнула: что-что, а медведь – самый подходящий подарок для всеми любимого пастыря прихода.

– Дорогой Оскари, ты сам иногда как медведь: ты с отеческой строгостью помогаешь нам, своим прихожанам, сознавать наши грехи, ты сильный и пламенный священник, но мы знаем, что в тебе есть и нежность, позволь даже сказать, что-то в твоей жизни напоминает мягкую шерсть медведя, – выступила Тайна Сяяреля.

Медведя выпустили из корзины, и пастора попросили взять его на руки. Тут на праздник проник журналист «Известий Нумменпяя» и сфотографировал виновника торжества с питомцем. Медвежонок облизывал грубую щеку пастора и белый нагрудник, беффхен, и все решили, что снимок получится отменным.

Празднование завершилось молитвой епископа, в которой тот пожелал Оскари Хуусконену долгих лет под защитой крыл Господних. Взглянув на шалящего у ног пастора медвежонок, епископ добавил:

– И тебе долгих лет.

Позже, вечером, оставшись дома вдвоем, пастор Оскари Хуусконен и пасторша Саара Хуусконен расставили все цветы по вазам, щедро себе налили и устало опустились на диван.

– Я тоже тебя поздравляю, – устало сказала жена. А затем добавила довольно желчно: – И зачем этой Астрид понадобилось лезть на столб? Неужели было не ясно, что от медведицы так не спастись? Теперь мне самой пришлось печь пироги и пряники сотням людей, как будто делать больше нечего. В саду вот совсем сухо.

¹ Перевод Карины Ибрагимовой.

- Не начинай, Астрид еще даже не похоронили.
- Вряд ли эту кучу пепла вообще надо хоронить.

Медвежонок вцепился в угол дивана. Саара хлопнула его по морде, он заворчал и забрался к Оскари на руки.

- Оставь, старуха, медведя в покое.
- Он погрыз мебель в первый же день.

Оскари Хуусконен осушил стакан до дна. Затем он снял черное пасторское облачение и переоделся в одежду для рыбалки.

- Я на остров – поставить сети.
- В свой день рождения?
- Что-то не хочется больше праздновать.
- Возьми зверя с собой, от него калом воняет.

Пастор Оскари Хуусконен взял медвежонка на руки и вышел из дома. Он сел в машину и поехал к берегу озера Нуммиярви, где стояла его лодка. Медведя он усадил на носу и принялся грести. Медвежонок сначала боялся воды, но, когда Оскари успокоительно с ним поговорил, тот унялся и погрузился в разглядывание пейзажа. Почти в километре от берега находился остров, на острове – несколько летних строений, одно из которых служило Хуусконенам рыбацкой хижинкой. Пастор привязал лодку к пристани и выпустил медвежонка на землю. Затем он принес из сарая две сети и отправился ставить их у края камышовых зарослей. Медвежонок последовал за занятым хозяином до конца пристани; он обеспокоенно поскуливал, но, поскольку пастор не поплыл на лодке дальше, он утих.

Оскари Хуусконен проверил на мелководе ловушку для рыб. На дне барахталось несколько окуней и плотва. Он предложил рыбу медвежонку, который сначала недоверчиво ее обнюхал, но, найдя съедобной, с аппетитом съел.

Закончив дела, пастор прилег на траву во дворе. Солнце садилось, белые облака окрасились в красный цвет. На ум приходили самые разные мысли о своей жизни и вере. Пятьдесят лет для человека – это много. Больше половины, гораздо больше половины жизни уже прошло. Чего он добился? Была ли его вера по-прежнему искренней и твердой? Ну... как сказать. Оскари Хуусконен выучился на доктора теологии, получил приход, у него было церковное звание, семья, этот домик на острове. Не так уж и много.

- Зато у меня есть свой медведь.

Медвежонок лежал рядом с пастором, вместе с ним созерцая закат.

Супружеские конфликты, новые виды спорта

Когда Оскари Хуусконену исполнилось пятьдесят, он почувствовал, что пасторская работа стала надоедать и утомлять. В молодости он умудрялся быстро обегать по Господним делам весь приход, тогда он занимал должность викария в Сомеро, а теперь нагрузка начала вызывать раздражение, да и вера больше не так вдохновляла. К счастью, церковная община Нумменпя была так велика – более 5000 членов, – что пастору назначили помощницу, прыщавую и серую. Однако радости в его глазах не прибавилось. Почему на факультет теологии принимали таких неприглядных женщин, когда вполне можно было выбирать хоть немного более привлекательных студенток? На факультете теологии оказывались самые уродливые девушки университета, это уж точно, тогда как на историко-лингвистический факультет поступали учить французский просто безбожно красивые... На политологию шли наглые и оборванные курильщицы, но, опять же, чертовски сексуальные. Оскари Хуусконен помнил свою паству еще со студенческих времен.

В рамках проповеди внешняя красота вполне могла добиться большего, чем внутренний огонь – по крайней мере, когда дело касалось женщин. Когда-то пастор Хуусконен с энтузиазмом поддерживал их право принимать церковный сан, писал в газеты убедительные статьи о равноправии и тому подобном, но вышло из этого то, что вышло.

Что ж, помощница Хуусконена ничего не могла поделать со своим лицом. Сари Ланкинен была двадцатидевятилетней Христовой невестой, она пела псалмы и гимны, постоянно молилась, проводила литургии с дрожью в руках и в своей набожности была столь экзальтирована, что пастор даже испытывал стыд за себя.

Неделя после Ивана Купалы по обыкновению выдалась напряженной. Уже в понедельник утром Оскари Хуусконену пришлось разгрести в своем кабинете ворох официальных бумаг, сделать множество телефонных звонков, договориться о двух венчаниях и похоронах Астрид Сахари. Похороны пришлось откладывать столь необычайно долго из-за судебно-медицинского вскрытия и запутанного полицейского разбирательства, и лишь сейчас Астрид наконец отправлялась на заслуженный вечный покой.

Около десяти в канцелярию, печатая шаг, пришел лесоруб Юкка Канкаанпя в сапогах на железной подошве и с защитным шлемом под мышкой. Он собирался жениться. Невеста непременно хотела венчаться в церкви. Только была загвоздка: в молодости Канкаанпя порвал с церковью, и теперь ему, видимо, надлежало вернуться в число прихожан. В бурные коммунистические времена на исповедь он не ходил. Хуусконен постановил, что следует пройти конфирмационную школу.

– Что, прям школу? Это я с детьми должен водиться, хотя мне уже пятый десяток скоро?

Пастор объяснил, что отправляться в конфирмационный лагерь Канкаанпя, конечно, не надо. Они условились, что лесоруб прочитает катехизис и вечером пятого дня придет к Хуусконену ответить урок, так что обязательный курс будет пройден на этой же неделе.

– В следующее воскресенье я готов провести вашу конфирмацию.

– И я смогу жениться?

– Хоть тут же.

– Но по-настоящему я не верю. Это ничего?

Пастор Хуусконен сказал, что истинность веры не так важна. Если Канкаанпя хотя бы попытается подумать о Боге благосклонно, то все уладится.

– Есть разные виды веры, как крепче, так и слабее.

Лесоруб Юкка Канкаанпя вызубрил лютеранский катехизис, выучил заповеди и их объяснения, другие разделы тоже, он основательно все усвоил, особенно пятый пункт – обязанности отца семейства по отношению к своим домочадцам.

Разобравшись с утренними делами, пастор Хуусконен зашел домой на обед и заодно покормил медвежонка. После обеда он отправился на восьмидесятилетний юбилей к консультанту по ведению домашнего хозяйства Эмилии Нюкюри. Старушка жила на окраине села в маленьком домике. Пастор выступил с краткой речью, гости спели 2-ю и 3-ю строфу гимна 278 и сели за праздничный стол. Речь зашла о похоронах Астрид Сахари: кто заплатит за них, если покойница была одинокой? Пастор рассказал, что у поварихи с этим все в порядке: на ее банковском счету осталась приличная сумма, на похороны точно хватит.

– Да уж, когда готовишь еду, без хлеба не останешься, – весело пошутила консультант.

На предвечернее время пастор Оскари Хуусконен договорился о встрече по поводу обновления церковной крыши. Из общины Лумпарланд на Аландских островах прибыли двое кровельщиков, чтобы сделать мерки и предложить подряд. Со своей стороны Хуусконен одобрил план и сказал, что уладит это дело в приходском управлении.

Когда аландские кровельщики, довольные, ушли, пастор приступил к другому, более значительному делу. Приходской могильщик давно жаловался на спину и просил, чтобы в качестве рабочего инструмента ему достали экскаватор. Пастор запросил расценки у двух компаний сельскохозяйственной техники, и теперь предстояло определиться. Хуусконен остановил выбор на модели от «Валмет», которая, говорили, была маневренной и достаточно мощной, чтобы копать даже мерзлую землю.

Если бы приход не одобрил приобретение экскаватора, могильщику пришлось бы уйти на пенсию, что казалось несправедливым, ведь за всю свою жизнь человек выкопал сотни, если не тысячи могил на кладбище Нумменпя.

Пастор Хуусконен подумал, что экскаватор еще наверняка будет в строю, когда сам он умрет и могилу будут копать ему.

«Даже гарантия, может, еще будет в силе», – подумал он, несколько упав духом.

Пастор Хуусконен должен был сходить на беседу в благотворительный кружок при церкви Нумменпя, но, поскольку похороны поварихи Астрид Сахари были назначены на тот же вечер, он туда не успел. Зато он приготовил к похоронам знаменитой на всю округу поварихи праздничный зал приходского дома. Собралось совсем немного людей: после смерти повариху ждало забвение. При жизни она кормила тысячи празднующих ртов, а нести гроб бедной старухи пришло всего несколько верующих, и никаких вкусов им не предлагали – только кофе и пряники из кооперативного магазина.

Пастор Оскари Хуусконен произнес в память об Астрид прекрасную речь. За основу он взял следующие слова из 15-го стиха 21-й главы Евангелия от Иоанна:

Иисус говорит ему: паси агнцев Моих.

Ведь здесь Иоанн повествует о том, как Искушитель явился ученикам на берегу озера и заодно устроил так, чтобы на их долю выпал небывалый улов.

Пастор сравнил труд поварихи Астрид Сахари с милосердным деянием, в котором человек способен проявить заботу и любовь к ближним. При явлении Иисуса ученики ели рыбу и хлеб, что было естественно, ведь они были рыбаками. Астрид тоже знала толк в рыбных блюдах. Множество видов копченой рыбы, пирожки из лосося, рулеты из щуки, а также соленая селедка, копченая ряпушка и запеченный лещ... Ими повариха десятилетиями баловала отмечающих праздники жителей Нумменпя. Подобно апостолам, Астрид была и превосходным пекарем: ей лучше всех удавался ржаной, кисло-сладкий, ячменный хлеб и багеты, она отлично сушила сухари и раскатывала пироги.

– Но не хлебом единым жив человек. Мясные блюда дорогая покойница готовила золотыми руками! Они были прямо божественными! – С упоением пастор Хуусконен огласил список праздничных деликатесов от Астрид Сахари: – Вспомним только пропеченные бедрышки ягнят или медленно томившиеся в печи свиные окорока... а еще превосходный студень и сви-

ные рулеты или жаркое из куропатки, фазаньи отбивные, обжаренные в жире почки, оленье лопатки, высушенные на открытом воздухе, не говоря уж о знаменитых пирожках с лосятиной!

Горстка присутствующих слушали речь пастора со слюнками во рту. Когда покойницу отпели, они поспешно выпили кофе, а затем каждый побежал к себе ужинать, потому что на похоронах поварахи всех обуял дьявольский голод. Пастор Хуусконен тоже поторопился домой, где его ждал голодный медвежонок. Пастор отрезал ему огромный кусок вареной колбасы и спросил у жены, что у них на ужин.

Пасторша поставила на стол печеночную запеканку, равнодушно положила рядом несколько кусочков соленого огурца, налила в стакан воды и удалилась в спальню. Пастор добавил в печеночное месиво немного масла и неохотно принялся за пресное блюдо. Не то чтобы эта безыскусная пища не была Божьим хлебом и сама по себе не заслуживала всяческого почтения, но почему-то казалось нечестным, что в рот пастора отправлялась еда, пригодная скорее для собак.

Когда Оскари и медведь поели, пастор взял своего питомца под мышку и тоже поплелся в спальню, где раздражительная жена ждала его на своей стороне супружеской постели.

– Не тащи животное в кровать, – запретила пасторша, затевая ссору.

– Бедолага привык спать в ногах, он же и твои ноги греет, – попытался возразить пастор.

Пасторша воинственно привстала с подушки.

– До твоей башки не доходит, что ни одна женщина в здравом уме не захочет делить кровать с медведем!

Саара Хуусконен разразилась причитаниями о том, как ее возмущает забота о гигиене Черта: от медвежьих подмышек разило торфяным болотом, под хвостом он себя никогда не вылизывал, его зубы пахли гнилой рыбой, если их насильно каждый день не полоскать, причем этот проклятый Черт еще и кусался, сидеть на унитазе он до сих пор не научился, а только откладывал в саду жиденькие кучки, причем вчера одна обнаружилась прямо перед диваном в гостиной.

Оскар Хуусконен заметил, что в молодости Саара была невыразимо счастлива с ним под одним одеялом и пылко нашептывала ему на ушко, будто он милый и сильный, как медведь.

– Сейчас медведь здесь самый настоящий, а большой радости в тебе я не вижу.

– Лесом он пускай идет, дай мне поспать.

Черта заперли в корзине, но стоило свету погаснуть, как медвежонок заскулил от страха, не давая хозяевам спокойно спать. Оскар спросил у жены, не пустит ли она маленького мишку в кровать, раз он так плачет один в корзине-тюрьме. Пасторша окончательно вышла из себя и прогнала из кровати заодно и мужа.

– Медведи меня достали! Катитесь вы оба отсюда!

Оскар Хуусконен перенес корзину в гостиную, где разложил диван-кровать и устроил себе и медвежонку постель. Когда хозяин выпустил Черта из корзины, тот уснул, довольный, у него в ногах. Во сне его язык не раз лизнул волосатую голень пастора. Старик же долго не спал, размышляя о превратностях своей жизни.

Утром пастор чувствовал себя уставшим и брался за привычную бумажную работу без особого энтузиазма. Когда Хуусконен уже собирался уходить, в канцелярии появился молодой житель села, в руке у которого лежало копье, а на плече – порядочный моток бельевой веревки. Это был тридцатилетний спортсмен Яри Мякеля, и пришел он сюда по важному делу.

– Я тут подумал: не сдал бы мне приход вон ту колокольню, чтобы устраивать там тренировки, ведь в колокола больше не звонят, звон на пленке проигрывают.

Предложение об аренде церковной колокольни настолько обескуражило пастора своей необычностью, что он пожелал узнать об этой идее больше.

Мякеля прислонил копье к стене канцелярии и положил веревку на стул. Затем он поведал, что занялся новым, более трудным видом метания копья.

– А, вспомнил. Это не вы ли тот самый Яри Мякеля, который взял первый приз на окружном чемпионате по метанию копья?

Щеки спортсмена зарделись от удовольствия: все-таки его еще не забыли. В памяти пастора отпечаталось, что тогда, летом 1989 года, Яри действительно был в ударе. Результат составил 63 метра и 22 сантиметра, дьявольский бросок!

– Теперь я занялся метанием копья в высоту и решил, что если бы мне только сдали на это лето колокольню, то я бы поупражнялся чуток.

Пастор Оскари Хуусконен сообщил Мякеля, что об аренде колокольни можно поговорить потом, сейчас нет времени. Только что звонил епископ, надо спешить к нему на обед.

На следующий день любитель различных техник метания Яри Мякеля с самого утра ждал пастора в канцелярии – на этот раз без копья, но по-прежнему с мотком веревки на плече. Упрямый спортсмен уже немного досаждал пастору: каким олухом надо быть, чтобы выпрашивать колокольню под такие цели? Неужели не понятно, что заниматься спортом в церкви нельзя? Никакого метания копья в башне! Его, пастора, за психа держат, что ли?

– Не сердитесь. Я просто подумал, что в пустой колокольне было бы так здорово тренироваться по-новому.

Мякеля заявил, что в настоящий момент увлекается метанием копья по прямой вверх, то есть в высоту, и для этого требуется, чтобы над головой у метателя было достаточно места, чтобы крыша была высоко, а в ней имелось отверстие, откуда копье можно было бы запустить до самых облаков. В связи с этим он снова зашел попросить у прихода разрешения арендовать до конца лета колокольню.

– Все равно она не при деле, а так приход бы денег за нее выручил.

Пастор Хуусконен спросил, где Мякеля метал копье в высоту до этого.

– В амбаре для сушки зерна, но тот стал низковат. Результаты заметно улучшились.

Яри Мякеля гордо напряг мышцы плеча. «Вот он какой, этот новый вид, крепкий же у него приверженец», – заключил пастор. Но ему все же не хотелось так просто взять и отдать колокольню под спортзал, даже если предложение могло найти поддержку и, возможно, прославить как приход Нумменпя, так и страну и нацию в целом.

– На выходных я несколько раз ходил в зернохранилище Сало, там из-за ремонта силосная башня стоит пустая, но она высоковата, копья обратно падают. Шлем брать приходится. И через две недели ее снова займут.

Пастор заинтересовался новым видом спорта уже настолько, что взял у сторожа ключ от колокольни и отправился с Мякеля осматривать потенциальное место для тренировок. Здесь бельевая веревка и пригодилась: метатель забрался на самый верх колокольни и измерил расстояние от потолка до пола. С яруса звона он прокричал:

– Больше двенадцати метров! Мой рекорд – 14,33, здесь мне было бы просто отлично, если можно открыть люк на крыше.

Пастор попросил Мякеля вернуться вниз. Он объяснил, что кидать копья из колокольни опасно: они могут пролететь через двор и угодить кому-нибудь по шее. Мякеля ответил, что опасность преувеличивать не стоит. Можно временно оградить колокольню и расставить знаки, предупреждающие о копьях, которые время от времени вылетали бы из люка в ее крыше.

– Я согласен не тренироваться во время служб и похорон, – уговаривал пастора Мякеля.

Пастор задумался, но вскоре пришел к выводу, что об аренде колокольни не может быть и речи. Прихожане, да и не только, и так считали его странным и своевольным; что же они подумают, если он разрешит использовать колокольню таким образом. Швыряя копье, крестьянин издавал бы там дикий рев, да еще и паства оказалась бы в опасности.

– Ничего не выйдет. Но почему бы вам не заняться этим вашим метанием где-нибудь в другом месте, вот хотя бы на дне глубокого колодца. Жара же стоит несусветная – все жалуется, что колодцы пересохли.

Такой вариант в голову Яри Мякеля не приходил. Замечательно! Яри всегда считал, что пастор Хуусконен – здравомыслящий человек, и вот лишнее тому доказательство.

Яри Мякеля не терпелось побежать на поиски пересохших колодцев, которые подошли бы для тренировок. Пастор решил составить ему компанию: время работы в канцелярии подходило к концу, а других дел на сегодня не осталось.

В центре села шахтных колодцев уже не было, потому что в 1970-х годах появилась коммунальная водопроводно-канализационная система. Домик с колодцем во дворе стоял только на отшибе. Буровые скважины для занятий спортом не годились, но в деревнях старых добрых колодезных шахт еще было предостаточно. Оскари Хуусконен и Яри Мякеля разъезжали на пасторской машине от дома к дому и измеряли веревкой глубину колодцев. Многие оказывались слишком узкими для бросков крепких мужчин, и во многих на дне оставалось чересчур много воды. В некоторых домах ко всему предприятию отнеслись с недоверием и отказались признавать значение развития новых видов спорта. И все-таки присутствие пастора Хуусконена помогало рассеивать подозрения.

Спустя пару часов подходящий колодец нашелся в деревне Рекитайвал, в шести километрах от церкви. Между Рекитайвал и домом Мякеля в деревне Мякинииттю пролегал короткий путь, так что теперь у Яри была хорошая возможность тренироваться хоть каждый вечер. Глубина колодца составляла 22 кольца, или одиннадцать метров, диаметр – 140 сантиметров, шахта была вырыта вертикально. Воды на дне плескалось всего три кольца, она была испорчена навозным удобрением, поэтому годилась только на поливание грядок с овощами. Так что отныне колодец можно было использовать в качестве площадки для спортивных тренировок.

На следующий вечер, после беседы в молельном кружке, пастор Оскари Хуусконен поехал с медвежонком в Рекитайвал. Яри Мякеля уже вовсю трудился: его трактор стоял возле колодца, с помощью гидравлического подъемника в колодец опустили крепкую, сколоченную из досок платформу со 180-сантиметровыми ножками, чтобы плоская часть доставала до поверхности воды. В качестве помощницы и арбитра выступала Санна Мякеля, бабушка Яри Мякеля. Она надела на плечи внука спаянные из гальванизированного металла латы и вручила ему строительный шлем из стекловолокна – прикрыть голову. Эти меры защиты предпринимались для того, чтобы метатель не пострадал, если по какой-либо причине копьё упадет обратно в колодец.

– Хотя этот вид спорта и близко не так опасен, как бокс или хоккей и тем более «Формула-1».

Яри натянул до подмышек штаны для рыбалки: вдруг во время броска он оступится с платформы и бултыхнется на дно колодца в навозную жижу.

С пятью копьями под мышкой Яри устроился на платформе, которую бабушка медленно и с достоинством спустила на лебедке в темную глубину колодца. Потом она выключила мотор трактора и заглянула вниз. Оттуда прогудел вопрос Яри Мякеля:

– Бросаю?

– Давай!

Старушка отошла от колодца на десять метров и зафиксировала свой зоркий взгляд выше отверстия колодца, на стрехе ближайшего хлева. Кульминационную точку дуги, описываемой копьем, было легко отметить по отношению к линии, которая начиналась на уровне бабушкиных глаз и тянулась до стрехи. Результат затем можно было узнать с помощью прикрепленного к крышке колодца измерительного шеста: если к показанию добавить глубину колодца, результат получался точным и совершенно официальным. Толщину каблучков ботинок метателя следовало, конечно, отсюда вычесть.

Из глубины колодца послышался гулкий рев, и из отверстия взвилось копьё и описало величественную дугу. Это казалось совершеннейшей мистикой, как будто из ада прилетела грозная бессловесная весть.

Меткий глаз бабули зафиксировал наивысшую точку дуги. Пастор установил измерительную палку на место, и после короткого подсчета выяснилось, что результат составил внушительные 14,40. Это был лучший результат Яри Мякеля за лето; ценность броску добавляло еще и то, что это был первый раз, когда спортсмен бросал из колодца. Раньше он тренировался только в силосной башне и амбаре.

Из колодца взметнулись в воздух еще четыре копья. Два из них пролетели ниже первого, третье упало обратно в колодец (оттуда донеслась сочная ругань). Последним броском Яри улучшил свой результат на 20 сантиметров. Упавшее обратно копьё спортсмен не стал бросать снова: согласно его собственным правилам, промах не давал права на дополнительную попытку.

Поднявшись на поверхность земли, Яри Мякеля внимательно изучил результаты и записал их в тетрадь с черной обложкой. Он был явно доволен своими достижениями. Бабушка тоже светила гордостью за внука.

– Этот Яри всегда бросал что ни попадя. В детстве он как-то запустил в озеро дедушкины часы. Они улетели так далеко, что больше не нашлись, хотя дедушка нырял за ними все лето. Ааретти стал лучшим пловцом Нумменпяя, попал на международный матч по водному поло.

Хозяин Юусо Рекитайвал тоже захотел испытать силы. Он сообщил, что в молодости занимался метанием диска и толканием ядра, но Яри объяснил, что диск в колодце не пометаешь, поскольку там слишком тесно, а толкать ядро слишком опасно.

– Если железное ядро жажнет по голове, то даже крепкий шлем расколется, – сказал он со знанием дела. В амбаре он пробовал метать в высоту и ядро.

Результат хозяина в серии из пяти бросков был довольно хорошим, но даже лучший из них оказался примерно на полтора метра ниже, чем у Яри.

Пастора Хуусконена тоже уговаривали попробовать себя в новом виде спорта. Он вроде бы заинтересовался, но положение накладывало определенные ограничения. Наконец пастор сдался, и теперь в колодец опускали именно его. Хуусконен был плотным мужчиной, поэтому поиск подходящей позиции для броска отнял какое-то время. Метание копья в высоту во многом отличалось от обычных технических видов легкой атлетики: копьё полагалось брать правой рукой и держать параллельно правому бедру так, чтобы левой рукой поддерживать направленное вверх острие. Сам бросок делался хлестким движением снизу вверх, вполоборота, осторожно, чтобы не удариться локтями о стену колодца. Опирались о стену левым боком разрешалось. От правой руки копьё передавалась поразительная, огромная сила. Пастору удалось все броски. Его результат составил 12,70 – великолепное достижение для выступающего за команду стариков.

Черта это состязание увлекло настолько, что он то и дело заглядывал в колодец, подвергая себя опасности получить удар копьём в грудь. В итоге медвежонка закрыли в кабине трактора, откуда он с видом знатока следил за упражнениями в бросках копья в высоту.

Время пролетело незаметно. Наступил вечер, начало темнеть. Бабушка Мякеля пожаловалась, что ей стало труднее отслеживать высоту бросков: с возрастом ночное зрение слабеет. Пастор Хуусконен придумал прикрепить сигнальной лентой к острию копья карманный фонарик, чтобы, когда копьё из колодца будут взмывать, результат снова можно было фиксировать. Сама по себе отличная, задумка все же, как оказалось, требовала слишком больших расходов, потому что стекло и лампочка фонарика разбивались, налетая на крышку колодца или дворовые камни. Проблему решили, заменив фонарик бенгальскими огнями, которые метатель зажигал на дне колодца перед броском. Так дом Рекитайвала за один вечер остался без рождественских украшений, зато было здорово смотреть, как в темноте летнего вечера из колодца с шипением поднимались копьё, это напоминало запуск фейерверков.

Душеспасительный разговор

На третьей неделе июня Сантери Рехкойла, фермера, вечно огорчавшего Господа, нашли повесившимся. Он притаился в пустой коровник, привязал веревку к металлической каминной задвижке на кормокухне и провисел там несколько дней, пока его не хватились и не обнаружили, уже мертвого, в петле. К счастью, когда самоубийцу высвободили из последнего узла, его жена Сайми Рехкойла находилась в отлучке. Хозяйка Сайми Рехкойла была верующей и ранней женщиной, а покойник при жизни был грубым и равнодушным мерзавцем. Сантери умер, едва ему исполнилось 78 лет. Жена была на год его младше. Их дети уже давно жили самостоятельно, и теперь в большом мрачном фермерском доме осталась единственная живая душа – миниатюрная и бледная вдова, для которой весь мир рухнул из-за неестественной смерти мужа.

Как только о смерти стало известно, пастор Оскари Хуусконен поспешил утешить скорбящую вдову и договориться об отпевании и похоронах. Хозяйка Рехкойла встретила его совершенно убитой и заплаканной. Она боялась, что Сантери нельзя хоронить в церковной земле, потому что тот, не сумев дождаться неминуемого конца, сам полез в петлю.

В настоящее время покойников больше не сортируют по типу смерти, объяснил ей Оскари Хуусконен, теперь самоубийцы настолько часто встречаются, что уже не кажутся чем-то странным. Но когда самоубийство происходит рядом с тобой, его, конечно, тяжело перенести.

Пастор посоветовал хозяйке зайти в больницу и поговорить с доктором Сорьоненом. Для облегчения невероятно острой тоски ей могли бы назначить успокоительные средства и лекарства, и, вероятно, имело бы смысл принимать снотворное. Еще, конечно, твердая вера в Бога во время испытаний тоже дает силы справляться с печалью.

На время, пока печаль горчила сильнее всего, пастор нанял для Сайми сиделку, которая помогала с организацией похорон и оказывала скорбящей личную поддержку. Сантери похоронили в конце июля, но шли дни, а вдова была все так же безутешна. Пастор часто ее навещал и вел с ней доверительные душеспасительные беседы.

– Жизнь теперь ужасно пуста, – жаловалась вдова. – Хоть Сантери и был буйным и иногда даже подлым, а все равно все рухнуло, когда он вот так меня покинул. У меня ничего, совсем ничего не осталось. Этот большой дом запущен и уныл, здесь больше не услышишь человеческого голоса, никто меня не позовет, нигде нет жизни. Я чувствую, как будто это я виновата в смерти Сантери. Видно, я не понимала его проблем.

– Человек одинок и растерян перед лицом смерти, – сочувственно произнес пастор Хуусконен. Сам же подумал, что столь великой скорби дед не заслуживает. Пастор хорошо знал Сантери Рехкойла. Это был взбалмошный человек, вечный скандалист, лентяй и агрессивный забулдыга, на пьяную голову часто избивавший жену до синяков. В свое время он варил самогон из зерна, много раз попадал под суд, стряпал внебрачных детей по всему приходу, неоднократно оказывался в тюрьме за вождение в нетрезвом виде и мошенничество. Сколько несчастья принес этот человек, Господи помилуй! Но вдова все ему простила и тонким, обессиленно-разбитым голосом изливала свою боль:

– На плечи мне словно давит груз камней, мне страшно, иногда я плачу без остановки по многу часов. Еда кажется безвкусной, накрывать на одного человека ужасно, когда сорок лет готовила на двоих. Бывает, ночью я просыпаюсь будто от того, что Сантери вернулся из города и упал на кровать, а потом тяну руку погладить его лоб, а рядом пустота, от его одеяла тянет холодом и сыростью, запаха Сантери больше нет.

– Тоска по умершему супругу естественна. Иногда любовь к ушедшему настолько сильна, что вызывает физическую боль, – объяснил пастор. Полицейское расследование выявило такую картину самоубийства: дед страшно запутал свои дела, понаделал долгов и связался с преступ-

никами; люди подали на него множество заявлений, из которых было ясно, что он занимался бессовестным вымогательством. Человек проиграл игру, в жизни у него не осталось никаких перспектив, и, будучи равнодушным и расчетливым, он решил убить себя, чтобы не расхлебывать заваренную кашу. Хоть такой конец и был достоин сожаления, у пастора никак не получалось сострадать несчастному покойнику. Однако вдова забыла все снесенные унижения и лелеяла память о связанных с мужем мелочах.

– Утром я надела комбинезон Сантери, натянула его резиновые сапоги, хоть они мне и велики, и обошла все те места, где он обычно работал. Я нюхала его одежду и все время плакала.

Хуусконен спрашивал себя: а дошла ли бедная вдова по следам мужа до его самогонного дистиллятора, забралась ли в больших сапогах убитая горем женщина в любовное гнездышко под крышей хлева, где Сантери Рехкойла, как он сам похвалялся, распутничал с другими женщинами. Скорбящей вдове пастор тем не менее сказал:

– Тоска по умершему супругу в моменты одиночества доказывает силу чувств и их неподвластность смерти.

Уже наступил вечер, и пастору было пора на заседание комиссии деревни Рекитайвал, где он выступал с докладом на тему «Как сохранить бодрость души в сельской местности». Заодно он попытался улучшить свой результат в метании копья в высоту, но почувствовал, что бремя вдовьей печали в какой-то степени передалось и ему: копьё, едва поднявшись ввысь на одиннадцать метров, падало обратно в колодец и ударяло по защитному шлему. Стоя на дне, пастор Хуусконен думал, каким же ненормальным он стал с годами: бросает копьё из колодца.

Дома пастора Оскари Хуусконена поразила жена, хлеставшая Черта выбивалкой для ковров. Медвежонок орал от ужаса во дворе, то и дело скалил зубы, но все же ему задали хорошую трепку, прежде чем Оскари подоспел на помощь.

Пасторша Саара Хуусконен задыхалась от ярости. Оставшись днем дома в одиночестве, медвежонок погрыз и испортил ковер в гостиной, высыпал в кухонную раковину сахар из нижнего шкафчика и на свою беду перепачкался пшеничной мукой, которую нашел там же. Он был с головы до ног покрыт мукой и сахаром, и белая пыль теперь сыпалась с него по всему дому, куда бы он ни пошел.

– Надо же мне было начать выбивать эту дрянь. Ты бы видел, какой он устроил бардак, когда я вернулась из магазина.

– Все равно незачем было хвататься за выбивалку.

Пастор на руках унес медвежонка в свою комнату и решил, что больше не оставит его дома наедине с женой. Саара была натурой запальчивой, в сущности неплохой, но в слепом гневном способной на опрометчивые поступки.

Пасторша пожалела о своей вспыльчивости, но не хотела признаваться в этом мужу. Напротив, она язвительно сказала:

– Прихожанам стоило подарить тебе не медведя, а обезьяну.

– Что бы я делал с обезьяной?

– А то медведь тебе прямо нужен. Над тобой смеется весь приход: доктор теологии, пастор идет по деревне с обделавшимся медведем на руках! И соревнуется с психом – бросает копьё из колодца. Когда все узнают, я уйду из этого дома.

Позднее вечером Саара постучала в дверь и протянула Оскари бутылочку с соской – кажется, ту самую, из которой кормила младшую дочь более двадцати лет назад.

– Я сделала горячее молоко с медом, дай его Черту, – сказала Саара и ушла к себе в спальню.

Черт охотно высосал молоко с медом, причмокивая и закрывая глаза от удовольствия.

Перед сном Оскари прочитал ему несколько отрывков из умирительного сборника сказок Элины Карьялайнен «Утонувший медвежонок». Черт рассматривал картинки и слушал так,

как будто все понимал. Но вскоре глаза медвежонка стали слипаться, и пастор отнес его в кровать. Сам он посидел еще немного – закончил проповедь к следующему воскресенью, самую мрачную за долгое время.

На следующей неделе пастор Хуусконен услышал, что Сайми Рехкойла занялась рыбалкой на озере Нуммиярви. На первый взгляд в этом не было ничего странного: рыбы в озере водилось много, и люди, живущие на берегу, постоянно ставили сети. Однако при жизни мужа Сайми никогда не выходила за ворота и не бралась за весла, а ухаживала дома за коровами и хлопотала на кухне. Теперь же она приохотилась к гребле, научилась ставить сети и спрашивала у соседей, в каких местах Сантери любил закидывать невод.

Вдова облачалась в рабочую одежду мужа и выезжала на тракторе в поля. Раньше она наблюдала за работой Сантери из окна, а теперь пыталась обрабатывать те же полосы.

Пастор Хуусконен констатировал, что печаль окончательно сразила вдову. В шестидесятые годы, будучи студентом, Хуусконен познакомился с концепцией горя Эриха Линдеманны, а теперь был вынужден отметить, что реакцию Сайми нельзя назвать здоровой. Порой случается такое: когда человек долго ухаживает за прикованным к постели родственником, который в конце концов умирает от болезни, то затем он сам начинает страдать от подобных симптомов, не может встать с кровати и оказывается на попечении других. Он словно подхватывает болезнь своего прежнего подопечного, не умея справиться с его смертью иначе. Вот и Сайми Рехкойла стала подражать своему мужу во всем: делала то же, что и он, хорошо хоть самогон варить не начала. Судя по всему, она ничего не знала о темной стороне жизни покойного мужа.

И вновь пастор Оскари Хуусконен отправился с медведем к вдове на душеспасительный разговор.

Медвежонок шалил в просторном зале от души; скорбящей вдовы он нисколько не боялся, наоборот, лез к ней на руки и выпрашивал у нее лакомства. Хозяйка вытащила из корзины для булочек плюшку с корицей, разогрела ее в микроволновке и разрежала для Черта. Медвежонок упледел угощение за обе щеки, попросил еще – и получил.

– Медведи такие славные, – заметила хозяйка. Затем она принялась говорить о своем горе, переносить которое уже становилось немного легче. – Я снова спустила лодку Сантери на воду и научилась рыбачить, поймала в сети очень много щук и лещей. Еще я взборонила пару гектаров залежи и отвезла кучи старого навоза на картофельное поле. Следующим летом хочу посадить раннюю картошку. Сантери тоже всегда хотел, хотя потом картошку обычно и не засеивал, да и, раз уж на то пошло, полос ржи у нас тоже было не так много. Не Божьей ли волей я теперь делаю работу, которую Сантери бросил, не закончив?

«В этом доме и на всей этой ферме слишком уж много неоконченных дел, брошенных на полпути замыслов», – подумал пастор Хуусконен. Вслух же он сказал:

– Вы оживились, потому что в горе у вас есть силы думать о ловле рыбы и урожае на следующий год. Господний хлеб дает людям силы.

– Но я все еще чувствую себя страшно одинокой. Как будто меня за все это наказали. У меня нет даже кошки, и взять ее я не могу, потому что Сантери кошек не любил.

– Я мог бы оставлять вам днем этого медвежонка, чтобы вы за ним присматривали. Вдруг он поможет вам справляться с одиночеством?

– А можно? Но что бы сказал на это Сантери?

Пастор уже готов был огрызнуться, что его медведь вовсе не принадлежит умершему беспутнику, но сдержался и сказал:

– Медведи находятся под особой защитой Господа, особенно такие маленькие.

Пастор рассказал Сайми Рехкойла, что духовный капитул вызвал его в Хельсинки для выговора по поводу какой-то весенней проповеди и нескольких газетных статей, которые настоятель Кафедрального собора и епископ диоцеза проглотили с трудом. На ночь ему при-

дется остаться в столице, поэтому не могла бы хозяйка взять медвежонка под свою опеку на пару дней? То есть всего на одну ночь.

– А что скажет ваша жена? Она ведь тоже, наверное, хочет посидеть с медведем?

– У нее аллергия, поэтому я и спрашиваю.

На том и порешили. Пастор Оскари Хуусконен записал на бумаге, что из еды медвежонку следовало давать, где ему можно спать и как надлежит заботиться о его гигиене. Он предложил хозяйке деньги на еду для питомца, но Сайми отказалась.

– Одного медведя в большом доме всегда уж как-нибудь можно прокормить, – радостно сказала она.

Когда наступил вечер и пастор ушел домой, вдова постелила себе постель и уложила медвежонка рядом. Медвежонок сначала сомневался, действительно ли женщина разрешила ему забраться к ней в кровать, но вдова погладила его шерсть и умиленно с ним поговорила. Тогда он пришел к выводу, что в этом доме дозволено все, и запрыгнул в кровать на место, прежде принадлежавшее Сантери Рехкойла. Заснул медвежонок быстро и крепко, да и вдова не бодрствовала всю ночь, ведь в одной с ней кровати спал теплый и мохнатый приятель.

Военная деятельность Иисуса

В конце мая пастор Оскари Хуусконен написал для «Известий Сало» полушутливую статью о военной деятельности Иисуса. Хуусконен был человеком ученым, специалистом по экзегетике и апологии и, как ему казалось, умел рассуждать не только о теологических вопросах, но и об историческом, то есть фактическом значении христианства, и в особенности Иисуса. Он был знаком с теорией одного полубезумного английского религиоведа Джоэля Кармайкла о роли Иисуса как подстрекателя масс и бунтовщика.

В своих умозаключениях пастор Оскари Хуусконен пришел к тому, что для начала Иисус обладал превосходным ораторским талантом, с помощью которого находил множество слушателей и сторонников, особенно среди бедных слоев населения. Кроме того, Иисус явно желал свергнуть консервативное священство, поддерживавшее римскую оккупационную власть, и, возможно, в конце концов провозгласить себя царем иудеев, сначала на земле, а если на земле не получится, то хотя бы на небе.

В статье, озаглавленной «Военная деятельность Иисуса», Хуусконен писал, что Иисус, заручившись поддержкой широких масс, решил пойти на Иерусалим и захватить власть. Речь, таким образом, шла скорее не о мирном прибытии воскресной школы на спине осла, а об организованном, насильственном проникновении военизированного отряда повстанцев в иерусалимский храм. Иисусу подчинялась целая группа ревностных младших командиров, которых он называл апостолами и которые не брезговали применять силу. Храм охранялся когортой римлян, всего несколькими сотнями человек, а еще там жила стража еврейских священников. Это обленившееся войско смели в сторону, и Иисус очистил храм от менял и других противников.

Однако со стратегической точки зрения апостолы Иисуса оказались порядочными болванами, и столь успешное благодаря захвату храма начало вскоре обернулось поражением, плацдарм был потерян, Иисусу пришлось бежать в Вифанию. Он, пожалуй, мог бы продолжить бунт в качестве повстанца, на то он и обладал харизмой народного вождя и соответствующими навыками, но, по несчастью, один из его командиров, Иуда Искариот, посчитал нужным сменить лагерь и сдать укрытие бунтовщиков. Иисуса захватили врасплох, и он не смог защититься силой. В этом положении он выбрал единственную тактику, казавшуюся разумной, а именно – пассивное сопротивление.

Очевидно, что поднявший восстание народный вождь, который всерьез мечтал о независимом иудейском государстве и которого уже называли Царем Иудейским, представлял для римлян серьезную опасность. Поэтому его казнили, прибив гвоздями к деревянному кресту. Подобная жестокая судьба обычно ожидала всех незадачливых бунтовщиков.

В заключительной части статьи пастор Оскари Хуусконен высказал мысль, что, если бы Иисус жил в начале этого столетия в Финляндии, его ожидала бы примерно такая же суровая участь.

«Если бы Иисус был т. н. красным, – а именно этого от него можно было бы ожидать, если учесть его политические симпатии, – то с началом восстания его, судя по всему, выбрали бы министром совета народных уполномоченных, то есть красного правительства. Его вполне могли бы назначить министром народного снабжения, ведь у него были подходящие качества и опыт в этой сфере (я указываю на случай, когда он накормил тысячи человек несколькими хлебами и рыбой). Он также стал бы умелым агитатором, оратором и журналистом, но едва ли – особенно искусным командиром действующих войск. Кажется естественным, что Иисус, будучи верующим человеком, глубоко усвоил бы теорию Маркса и применял ее в наиболее полном соответствии с собственными взглядами.

Когда позже восстание было бы подавлено, то Иисус, вероятно, не сбежал бы в Россию, как другие красные командиры, не основал бы там Коммунистическую партию Финляндии, а в момент поражения сдался бы без сопротивления в плен белым вместе с тысячами простых мужчин и женщин, поддерживающих красных. Его бы сразу отвели к краю гравийного карьера и расстреляли. Восстал бы Иисус из мертвых на третий день – об этом остается лишь догадываться. Однако наверняка красные приняли бы это утверждать, как было когда-то в Израиле.

Если бы Иисус выжил после всех произвольных казней, его как государственного преступника приговорили бы к смерти или пожизненному заключению. В последнем случае Иисуса, возможно, отправили бы сначала в Суоменлинну, а затем в исправительно-трудовой лагерь в Таммисаари, где он нашел бы плодородную почву для продолжения пропаганды своих политических взглядов и подпольной деятельности. Он однозначно стал бы народным героем красных, и есть вероятность, что Отто Вилле Куусинен ни за что не дорвался бы до власти во всемирном коммунистическом движении, если бы Иисус был жив.

Таким образом, можно предположить, что живой Иисус свергнул бы в конце концов Сталина и отправил того либо в ссылку, либо просто на тот свет. Международный коммунизм приобрел бы новое гуманистическое и праведное направление и никогда бы не рухнул. По-своему жаль, что Иисус не поучаствовал в финской гражданской войне. Но не исключено, что в этом можно увидеть руку всемогущего божественного провидения».

В начале августа пастор Оскари Хуусконен оставил Черта на попечении вдовы Сайми Рехкойла, а сам поехал в Хельсинки. Остановившись в гостинице «Интерконтиненталь», он направился в духовный капитул получать выговор. Часы показывали одиннадцать, встреча была назначена в кабинете Илкки Ханхилайнена, юридического советника капитула, на улице Булеварди. Епископ Хельсинкского диоцеза Уолеви Кеттерстрём также намеревался присутствовать. Ханхилайнен был полным, плешивым и ехидным шестидесятилетним мужчиной, а епископ Кеттерстрём, в свою очередь, – сухопарым и подтянутым, высоким и довольно трудным в общении. В просторном кабинете советника стоял рабочий стол красного дерева и перед библиотекой изношенный и мягкий кожаный мебельный гарнитур. На столе лежали купленные в ближайшей кондитерской Экберга маленькие пирожные и кофе.

Как епископ, так и советник с улыбками поднялись поприветствовать пастора Хуусконена. Их рукопожатия были крепкими и теплыми, из чего Хуусконен заключил, что разговор предстоит серьезный. Чем дружелюбнее церковники по отношению друг к другу, тем хуже их намерения.

– Возьмешь конфет, брат Оскари? Они вкусные и только с шоколадной фабрики «Брюнберг», – обратился к пастору советник.

Хуусконен отказался. Он хотел сразу перейти к делу.

– Да... Это довольно грустный случай, – начал епископ Кеттерстрём.

– Дело и впрямь неприятное, – признал советник.

Епископ сказал, что ни он, ни церковь не предъявляют претензий к частной жизни пастора Оскари Хуусконена, это целиком и полностью его дело.

– Но до нас дошла информация, что в Нумменпяя у тебя как минимум два, если не три внебрачных ребенка и что ты упрямо проповедуешь по-своему и не считаешься с предписанными цитатами дня.

– Ты начал там носиться с живым медведем на руках; по слухам, он гадит в ризнице и так скачет по церкви во время служб, что люди пугаются. Но это по-своему естественно, и не это нас в диоцезе волнует, – продолжил епископ приветливым и милосердным тоном.

– А еще говорят, ты спускаешься в колодец и бросаешь оттуда копыя, но и такие увлечения мы не пресекаем. Евангелическо-лютеранская церковь Финляндии гуманна и терпима, – подчеркнул советник.

– Но эти твои газетные статьи... Они бесовские, – произнес епископ печальным голосом.

– Последний раз ты, черт возьми, опубликовал в «Известиях Сало» совершенно невозможную статью, – посетовал советник.

– Там ты среди прочего даешь понять, что Иисус был бы каким-то бунтовщиком и коммунистом, – добавил епископ Кеттерстрём.

– Ты смеешь утверждать, что ученики и апостолы были бы главами военизированных подразделений повстанцев, а Иисус – революционером, и мечтал бы о независимости Израиля и собственном государстве.

Церковники отпили кофе и надкусили пирожные. Затем епископ объявил:

– Эти статьи от дьявола, иначе и не скажешь. Своими пасквилями ты выставлешь Евангелическо-лютеранскую церковь Финляндии в дурном свете, подрываешь самый стержень религиозной жизни, коверкаешь весть об Иисусовом искуплении и прощении. Это так же богохульно и нелепо, как если бы ты утверждал, что зачатие Марии не было непорочным.

Пастор Оскари Хуусконен сердито посмотрел на своих оппонентов и буркнул:

– А может, оно и не было? Как женщина может забеременеть от одного Святого Духа? Все это сильно пахнет искусственным осеменением.

Юридический советник немного откашлялся и сказал, что Хуусконен знает это как нельзя лучше, раз благодаря ему на свет появилось несколько байстрюков.

Тут пастор Оскари Хуусконен начал терять терпение. Он спросил, что являлось целью этого выговора, чего им хотели добиться. Его желали просто вразумить или намеревались применить какие-то административные меры, например отстранить от чтения проповедей, снять с должности настоятеля церкви или что-то подобное?

– Не в этом суть, – с досадой бросил епископ Кеттерстрём. – Дело настолько деликатное, что, мне кажется, нам надо прийти к согласию.

– Мы предлагаем, чтобы ты, брат Оскари, на какое-то время прекратил сотрудничать с газетами.

– На священников свобода слова тоже распространяется, – заметил Хуусконен.

– Это правда, – обрадовался епископ. – Особенно свобода проповеди, однако проповедь обязательно должна быть одобрена церковью и соответствовать канонам, а не выдумываться. В религиозных вопросах разные толкования недопустимы. Жить надо в соответствии с церковными догмами. Уже в раннем христианстве...

– Тогда каждый молот все, что хотел, – любую чепуху, и любой вздор записывали на глиняных табличках, – возразил Хуусконен.

– Те времена пришли и ушли, – подтвердил советник. – Сверх того, в Библии по-прежнему есть истинная и святая сила, ты не можешь этого отрицать.

– Этот текст получше будет, чем твоя писанина в «Известиях Сало», – подтвердил епископ Кеттерстрём.

Пастор Оскари Хуусконен охотно согласился. Однако он не хотел так легко принять запрет советника и епископа публиковаться в СМИ и объявил, что продолжит гнуть свою линию, пока будет считать ее правильной. Хуусконен предложил:

– Давайте договоримся, что я брошу свои литературные увлечения с осени. У меня и другие дела будут помимо болтовни с вами. Надо отправить медведя в зимнюю спячку.

Советник и епископ с облегчением налили себе еще кофе.

– Я правильно понял, ты действительно собираешься оставить в своем доме этого медведя? – спросил епископ, у которого гора с плеч упала, едва они достигли соглашения.

Хуусконен подтвердил, что уже привык к необычному подарку и не планировал от него избавляться. Жене медвежонок не нравился, но Оскари нашел малышу добрый приют у одной скорбящей вдовы.

– А как его зовут? – благодушно спросил епископ.

– Черт.

Епископ Уолеви Кеттерстрём посчитал, что имя медведю дали очень меткое.

– Хищные животные во многом похожи на чертей. Диоцез против его прозвища ничего не имеет, будь он хоть Сатаной, нам-то что.

Мишка спасает пастору жизнь

Пастор Оскари Хуусконен взял за обыкновение приносить Черта в церковь на время служб и церемоний – крестин, похорон и венчаний. Первое время он запирали медвежонка в ризнице, а поскольку сидеть одному ему там не нравилось, Оскари стал пускать его в самую церковь, где обычно тот вел себя сдержанно, как и подобает в храме Господнем. Но игривый характер и неистощимое любопытство медвежонка порой одерживали верх, и тогда он забирался на хоры, иногда вразвалку даже поднимался на кафедру и разглядывал оттуда сидевших внизу прихожан. Органной музыки он сначала побаивался, но вскоре привык к могучим, раскатистым мелодиям и с особенно сосредоточенным видом слушал пение псалмов. Он и сам бы наверняка подпевал, но медведи петь не умеют, хотя желание у них, может, и есть.

Мило шалящий медвежонок быстро стал любимцем всего прихода, и никто не считал неправильным, что в церкви суется дикое животное. Напротив: каждое воскресенье церковь собирала на проповедь слушателей, которые увлеченно следили за действиями медведя. На проповеди в Нумменпяя их стекалось больше, чем в любую церковь Хельсинкского диоцеза. Это было неудивительно: за возней Черта действительно было приятно наблюдать, он словно переносил верующих в телешоу о природе, только, конечно, без всякой режиссуры. Да и пламенные проповеди пастора Оскари Хуусконена были вовсе не плохи.

Для Оскари Хуусконена выговор епископа оказался настолько суровым испытанием, что он начал проповедовать еще более своенравно. Таким образом он бросал вызов: чем сильнее на него давили, тем быстрее он бежал, пускай даже вскоре ему предстояло стукнуться лбом о стену.

Одним осенним воскресным днем пастор Хуусконен по-настоящему вскипел и в порыве гнева полностью исповедовался. Он бушевал, утверждая, что если кто-то и потерял истинную веру в Иисуса Христа, Бога Вседержителя и даже Святого Духа, то это именно он.

– Я чувствую себя грешником, и, что самое ужасное, вместе с верой я потерял желание жить в радости, стал жалким циником и погряз в грехе.

Пасторша Саара Хуусконен смущенно ерзала на передней скамейке. Святые Небеса, опять дед разошелся! Пока пастор разглагольствовал в таком духе, люди слушали, уши у них горели, и даже Черт замер, прекратив игру. Хуусконен боялся, что эта проповедь станет для него последней в этом приходе. Хоть один священник до него признавался с высоты кафедры в своих грехах? Хуусконен не припоминал, чтобы слышал о подобном, но именно этим он сам сейчас и занимался, да еще с таким рвением и таким звучным рыком. После службы пастор Хуусконен напряженно ждал реакции прихожан. Это выступление могло повлечь за собой отстранение от должности или, по крайней мере, запрет на чтение проповедей. К пятидесятилетнему возрасту Хуусконен уже успел устать от проповедей: чего хорошего они ему принесли? Да ничего. Если бы все эти десятилетия он держал рот на замке, разницы не было бы никакой – так сейчас казалось постаревшему священнику.

Прихожане, сидевшие в первом ряду, сразу после проповеди подошли поздравить пасторскую руку и поздравить с мощной и трогательной речью. Председатель приходского совета уполномоченных и советник по сельскому хозяйству Лаури Каккури восхищенно отметил:

– Когда ты, Оскари, проповедуешь, ты просто зверь. Так и тянуло пустить слезу, настолько пронзительно ты проповедовал о всех наших смертных грехах. Поздравляю, продолжай в том же духе!

Председательница общества оказания материальной поддержки церковному хору Тайна Сяяреля прощепетала:

– Ты наделен божественной способностью рисковать, Оскари Хуусконен!

В ризнице помощница Сари Ланкинен подошла сказать, что с готовностью поучилась бы проповедовать столь же проникновенно, как и пастор. Не мог бы Оскари Хуусконен по-отечески наставить свою младшую сестру?

– Дочь моя, священник должен проживать такую жизнь, чтобы о ней можно было рассказывать в проповедях, – резко ответил Оскари Хуусконен.

Совет дышал глубоким знанием предмета. Помощница Сари Ланкинен подумала, что, может, ей тоже стоило бы грешить, тогда появилось бы в чем исповедаться, а это могло бы возвышать опустившееся дитя человеческого в сем несчастном мире. С другой стороны, путь греха страшил молодую и невинную служительницу церкви. Когда-нибудь потом, еще успеется, мудро решила она.

Так пастор Оскари Хуусконен продолжал свое священническое поборничество в приходе Нумменпяя. Его проповеди были захватывающи, слушатели их хвалили. Оскари Хуусконен пришел к выводу, что даже священник может говорить откровенно, если ему так хочется, это отнюдь не уменьшает эффекта проповеди, наоборот: люди начинают слушать речь пастора более внимательно.

Через некоторое время новости о проповедях Хуусконена дошли до диоцеза и непосредственно до ушей епископа Уолеви Кеттерстрёма. Упрямый Хуусконен, выходило, опять взялся за свое. Только настоятель получил выговор и пообещал не писать для газеты всякие вольности, так теперь еще стал молотить всякую чушь с кафедры, и, что хуже всего, каждое воскресенье в церкви, по слухам, был аншлаги. Епископ решил отправиться в Нумменпяя и приструнить пастора. И вообще стоило туда заскочить, потому как начинался сезон охоты на лосей. Может, на них удалось бы поохотиться в Нумменпяя? Епископ страстно любил охоту, и особенно услаждало его душу отстреливание лосей. Он позвонил своему приятелю, генералу Ханнесу Ройконену, у которого в Нумменпяя был летний домик и имелось разрешение на охоту, и они договорились пойти на лося в первую же неделю охотничьего сезона.

Тем временем в Нумменпяя пастор Оскари Хуусконен заметил, что с наступлением осени аппетит Черта значительно увеличился. Он мог уплести два килограмма вареной колбасы класса Б, а буквально через несколько часов снова выпрашивал еду. За лето медвежонок сильно подрос и стал размером с большую собаку, его мордочка приобрела сердитое выражение, и он теперь не шалил так невинно, как в начале лета. Он ел, как дикий зверь, готовясь к зимней спячке. Пасторша жаловалась на разбухавшие счета за продукты; из магазина ей приходилось таскать доверху наполненные пакеты, точно она была матерью большого семейства. Из-за Черта между супругами часто вспыхивали ссоры, и Оскари Хуусконен заключил, что мудрее всего почаще оставлять медведя под присмотром вдовы Сайми Рехкойла.

Оскари Хуусконен позвонил в Коркеасаари и Эхтари и спросил, не возьмут ли туда на зиму одного воспитанного медвежонка-самца. Черт уже наел жирок и принялся позевывать. Хуусконен понятия не имел, куда деть питомца на зиму: берлоги в хозяйстве не было, не говоря уж о медведице, которая могла бы убаюкать малыша.

Зоопарки не взяли Черта весной, не взяли и сейчас. Как Хуусконену объяснили, мама-медведица не примет в свою берлогу чужого медвежонка; кроме того, зимний сон медведей в сафари-парке неглубок, многие не спят всю зиму, ведь там невозможно обеспечить тишину и полный покой. По словам специалистов, единственным выходом было либо убить медвежонка до наступления зимы, либо попытаться построить для него какую-нибудь удобную и спокойную нору для спячки.

– Но как уложить его спать?

– Сказать трудно... Купите, например, огромного плюшевого медведя и приучите медвежонка засыпать с ним. Ничего другого мы посоветовать не можем, в Финляндии медвежья спячка детально не изучена.

Хуусконен позвонил еще в зоопарк Университета Оулу, где ему также посоветовали построить берлогу в каком-нибудь спокойном месте. Некая биолог по фамилии Саммалисто подробно рассказала, что собой представляет медвежья берлога в природе. Пастор записал ее советы.

Дальше – обзвон хельсинкских магазинов игрушек. Оскари Хуусконен хотел купить как можно более крупного плюшевого медведя. Маленьких можно было найти хоть целый вагон, но игрушки размером с настоящую медведицу в продаже не было. В игрушечном отделе «Стокманна» ответили:

– Та-ак... То есть вы хотите плюшевого медведя, рост в холке 70–100 сантиметров, а высота – 140–200 сантиметров? Кто же в него будет играть? У вас, наверное, очень крупные ребяташки, пастор.

– Это не для игры.

– Ах, извините.

– У медведя естественного размера шерсть может быть до 20 сантиметров, такие у вас есть?

Оказалось, на складе завалился один плюшевый медведь нужных габаритов, которого в послевоенное время иногда выставляли на витрину для стимулирования рождественских продаж. Правда, шерсть у него была короче, чем требовалось пастору. Да и истрепался он за столько-то десятилетий.

Пастор Оскари Хуусконен сразу поехал в Хельсинки за этим плюшевым медведем – очевидно, самым большим во всей Финляндии. Пасторша села в машину с ним. Она рвалась в Хельсинки всегда, когда появлялась возможность там побывать, даже если речь шла всего лишь о визите к гинекологу. Оскари припарковал машину на стоянке у Центрального вокзала. Напряженные, они засеменили в «Стокманн».

– Там я все время говорю по-шведски, просто чтобы ты знал, – предупредила пасторша, магистр шведского языка.

– С чего бы это? Ты же говоришь по-фински.

– В «Стокманне» так положено, болван.

Пылесборник выкопали со склада, выбили и принесли декораторам на цокольный этаж. Затем встал вопрос о цене.

– Совсем уж много мы за него не попросим. Как насчет 10 000 марок?

– Herregud! – воскликнула пасторша. – Да он стоит, как пианино.

Работник склада подчеркнул, что все конечности и голова медведя поворачиваются в разные стороны: у них внутри, как у манекенов, есть шарниры. Огромному медведю можно придать любую позу и даже положить, полностью распрямив, тогда маленький медвежонок безопасно заберется в его объятия.

– Вы вроде сказали по телефону, что он должен заменить медвежонку маму. Разве он не похож на настоящего?

– Я готов заплатить три штуки. Зарплаты у священников маленькие. Из-за этого медвежонка уже и так столько расходов – осенью он ест как не в себя.

– Медведи и правда ужасные обжоры. Если бы он быстро уснул, то и я отдохнула бы немного, – пожаловалась пасторша Саара Хуусконен.

Сошлись на 3000 марок, склад «Стокманна» хотел поддерживать хорошие отношения с церковью. Где припаркована машина пасторской четы? А может, отвезти медведя прямо в берлогу в чаше Нумменпяя? В таком случае плата за доставку начиналась бы от 2000 марок, и чем выше была бы сумма, тем дальше запасную маму готовы были доставить.

Пастор сообщил, что средств на оплату доставки у него нет. Он взял медведя за грудки, чтобы на спине дотащить до парковки у вокзала. Пакет? Не надо, спасибо. Но на заднюю лапу

все-таки наклеили стикер «Стокманна»: пускай Хуусконены с гордостью вынесут свою покупку со склада на улицу.

– Как же мне стыдно покупать здесь дурацкого косматого медведя, – выпалила пасторша, уже по-фински, когда они с мужем очутились на улице.

Из-за чудовищной величины нести медведя было довольно тяжело. Задние лапы игрушки волочились по брусчатке, а мохнатая голова закрывала обзор. На тротуаре ноша занимала уж слишком много места, пришлось перейти на проезжую часть. Пастору тоже было неловко оказаться посреди Хельсинки в таком виде, с гигантским плюшевым медведем на спине, но что поделаешь. Бедный и любящий животных священник не имел права не справиться. Пасторша помогать ему отказалась и шагала по тротуару так, словно не знала своего мужа, который действительно выглядел уморительно, когда тащил на спине по улице Маннергейма огромного медведя.

Оскар Хуусконен решил пронести медведя между кварталом Сокос и Главным почтамтом к своей машине. Он думал, что лучше всего дойти до места по трамвайным путям, поскольку мог смотреть только себе под ноги, а жена выступать поводом стыдилась. Сначала все шло хорошо, однако на углу почтамта приключилось несчастье.

– Батюшки, теперь этот дурень идет прямо под трамвай! – вскрикнула пасторша Саара Хуусконен.

За спиной Оскари Хуусконена показался трамвай номер три, но пастор его не увидел, пока не произошло столкновение. Послышался жуткий грохот, и Оскари наверняка умер бы на месте, раздавленный железной машиной, если бы его спину не прикрывал большой и мягкий плюшевый медведь. Оскари Хуусконен плавно опрокинулся под вагон спереди и протатился по земле пару десятков метров, прежде чем трамвай остановился. Потрясенный водитель спрыгнул посмотреть, остался ли мужчина на рельсах жив.

– Оскари, родной, может, ты все-таки не умер? – плакала пасторша Саара Хуусконен, расталкивая лишившегося чувств мужа.

Оскар Хуусконен был вне опасности. Плюшевый медведь сохранил ему жизнь. Пастор поднял глаза к небу и поблагодарил Господа за свое спасение. Человек познает Бога в момент нужды. Когда случалось что-то серьезное, пастор еще находил в себе веру.

Задняя лапа медведя порвалась, а сидалище перепачкалось в пыли. На месте происшествия собралась толпа. Откуда-то послышался вой сирены «Скорой помощи». «Этого еще не хватало», – простонал Оскари Хуусконен; Саара разделяла его мнение. Оскари быстро забросил медведя себе на спину и потрусил с ним к машине. Несколько человек помогли пастору донести игрушку, и даже Саара поддерживала заднюю лапу. На парковке Хуусконен стал записывать покупку на заднее сиденье. Приняв сидячее положение, медведь влез в салон. Пастор захлопнул дверцы и поехал обратно домой в Нумменпяя. Сзади возвышался огромный плюшевый медведь с озорным взглядом. Хуусконены сидели впереди с серьезными минами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.